

Глава 14

— Что же... Хорошо.

Великий наставник Фан неопределенно хмыкнул и убрал руку от бороды. Приняв подобающий его сану строгий вид, он приступил к опросу.

— Скажи-ка мне, кого называют «четырьмя сословиями», на которых держится государство?

— Учёных, земледельцев, ремесленников и торговцев, — без малейшего промедления ответил мальчик.

— Всякий люд волен разводить домашний скот. Но за забой какого животного по закону полагается кара?

— За забой пахотного быка.

Ответы звучали уверенно и плавно, будто ребёнок и вовсе не задумывался над ними.

Наставник Фан на мгновение замер, в его глазах вспыхнул острый интерес. Выдержав паузу, он неспешно задал третий вопрос:

— А знаешь ли ты, о чём повествует история о ловле светлячков и отблесках снега?

Этот классический пример прилежания в будущем станет широко известным фразеологизмом, который Цюй Дубянь в своей прошлой жизни использовал в школьных сочинениях бессчётное количество раз. Однако он не знал, существовал ли в этом мире Че Инь из династии Цзинь, поэтому решил опустить имена и названия эпох, ограничившись сутью.

— Это история о бедном ученике, — начал он. — Семья его была столь нища, что не на что было купить масла для лампы. И тогда летом он стал ловить светлячков, чтобы их сияние заменяло ему свечу, а зимой читал при свете, отражённом от снега. Его рвение служит примером для всех последующих поколений, призывая их к усердию в учебе.

Наставник Фан хлопнул в ладоши и вернул мальчику книгу.

— Всё верно. Будь спокоен: старик привык держать слово. Я тебя не выдам.

Немного подумав, Фан добавил:

— Приходи сюда раз в два дня. Время моих занятий не совпадает с уроками других учителей.

Я-то тебя отпустил, но мои собратья по ремеслу могут оказаться не столь покладистыми.

«Он решил меня прикрывать?»

Они едва познакомились, к тому же старик принял его за незаконнорожденного — плод тайной связи служанки и стражника. В любую эпоху такое происхождение считалось позорным пятном, а в императорском дворце и вовсе каралось смертью. Неужели наставник действительно готов позволить безвестному бастарду слушать уроки наравне с принцами крови?

Вероятно, сомнение слишком явно отразилось на лице Дубяня, потому что Великий наставник Фан погладил бороду и веско добавил:

— Повторюсь: старик не лезет в дворцовые дразги. Всякий, кто находится в этом зале, для меня прежде всего — ученик.

В любое время и при любой власти находились люди, для которых долг наставника и чистота помыслов стояли превыше всего. Дубянь почувствовал к старику искреннее уважение, хотя в глубине души всё ещё сохранял осторожность. Нацепив маску послушного ребёнка, он склонил голову.

— Вы — хороший учитель, — искренне произнёс Дубянь, закидывая за спину свой скромный узелок. — Спасибо вам. Но я не хочу навлекать на вас беду. Когда я уйду, лучше всё же расскажите обо мне.

Если наставник решит скрыть его присутствие, это может выйти ему боком. И Шиэр всё ещё где-то рядом, и само существование Дубяня здесь — секрет лишь до поры до времени. Мальчик не хотел, чтобы из-за него пострадал достойный человек.

Фан лишь приподнял бровь, не давая прямого обещания.

— Иди уже. Уходи тем же путем, каким пришел. И помни: ни слова о том, что мы знакомы. Ясно?

Дубянь молча кивнул.

Дождавшись, когда старик покинет зал, мальчик присел у окна. Не прошло и трёх минут, как снаружи раздалось приглушённое стрекотание сверчка.

— Сяочунь! — радостно позвал Дубянь.

Вэнь Сяочунь заглянул внутрь, опасливо озираясь. Не говоря ни слова, он подхватил ребёнка

на руки и поспешно скрылся в тенях сада.

Вскоре после их ухода Великий наставник Фан снова появился в зале. Поглаживая бороду, он задумчиво прищурился, глядя на пустой подоконник.

«Кто бы мог подумать, что Маленький принц, о котором все забыли, окажется столь одарённым ребёнком?»

История о служанках и стражниках была правдой, но после тех событий дворец перепахали так основательно, что подобное вряд ли могло повториться. Прожив на свете полвека, повидав две смены власти и не раз испытав на себе капризы судьбы, Фан сразу понял, кто перед ним, стоило лишь внимательно всмотреться в черты лица малыша.

Это был седьмой сын императора. Маленький принц из дворца Цзюйань. Тот самый, которого молва нарекла перерождением греховного плода, погубившим собственную мать.

Когда наложница Юнь ушла в мир иной, Его Величество на три дня оставил государственные дела. В те дни все чиновники получили нежданный отдых, и никто из них не смог бы забыть ни ту женщину, ни рождённого ею сына.

«Этому ребёнку нет и трёх лет», — размышлял наставник.

Дубянь утверждал, что учился совсем немного и знает «Троесловие» лишь до того места, на котором сегодня остановился урок. Однако история о светлячках и снеге находится почти в самом конце книги.

Мальчик явно не доверял ему и потому не сказал всей правды. И хотя вопросы старика были простыми, то, как уверенно отвечал на них столь крохотный ребёнок, граничило с гениальностью.

Фан ещё долго стоял в тишине, не переставая удивляться. Ребёнок, выросший в мрачном запустении забытого дворца, должен был стать замкнутым и болезненно чувствительным, но глаза Дубяня были ясны и чисты, в них не было ни тени уныния.

Он даже осмелился шутить над покойными предками императора.

Будь живы старый император и императрица, они бы наверняка явились в ночном кошмаре своему сыну и хорошенько отходили его по... драконьему заду, вопрошая, как он воспитывает детей. Эта клятва, задевающая весь императорский род до девятого колена, заставила старика Фана не на шутку встревожиться.

Вспомнив же о нынешнем государе, наставник лишь тихо вздохнул.

Хотя Его Величество недавно и разгневался из-за притеснений в дворце Цзюйань, его истинные мысли оставались загадкой. Никто не осмеливался беречь старые раны, спрашивая о наложнице Юнь или о судьбе Маленького принца.

«У ребёнка есть тяга к знаниям, — заключил Фан. — Памятуя о былой дружбе с Маркизом, Держащим Меч, я, этот старый и подслеповатый учитель, притворюсь, будто не заметил никого под столом».

Пусть этот малец пока побудет под его присмотром.

И Шиэр, остававшийся в тени, дождался ухода наставника и лишь тогда бесшумно покинул свой пост.

— Ваше высочество, вы, должно быть, проголодались?

На обратном пути к дворцу Цзюйань обычно молчаливый Вэнь Сяочунь задал этот вопрос уже несколько раз.

Дубянь заметил, как И Шиэр постепенно отдаляется от них. Наверняка поспешил с докладом к своему господину.

— Всё в порядке, Сяочунь.

Вэнь Сяочунь легонько сжал его ладошку.

— Руки совсем ледяные. Спрячьте их скорее, не держите на холоде.

— На пальцах уголь, я испачкаю одежду, — возразил Дубянь. — На улице мороз, вещи трудно стирать и долго сушить. Ничего страшного, если я немного замерзну.

Сяочунь внезапно умолк.

Хотя жизнь в их дворце стала налаживаться и принц теперь получал всё положенное по рангу, всё познаётся в сравнении. Скрываясь у стен шести дворцов Восточного сада, Сяочунь видел других принцев — обласканных властью, в дорогих мехах и шелках.

За ними стояла любовь матерей и забота императора. Они могли постигать науки открыто и с почётом, не ведая нужды ни в еде, ни в питье. А Маленький принц... Его книги — обветшалое старье, а карандаши и бумага добыты хитростью. Из-за проклятого пророчества ему

приходится воровать знания, прячась в пыли под столом.

— Сяочунь, я сегодня столько всего узнал! Тот наставник — очень хороший человек и замечательно объясняет... — Дубянь не стал рассказывать о том, что его обнаружили. Лишние тревоги им ни к чему, а ну как испугаются и больше не пустят в школу?

В конце концов, если бы учитель хотел его наказать, он сделал бы это сразу. Мальчик не почувствовал от старика угрозы и решил смотреть на ситуацию с оптимизмом.

Вэнь Сяочунь тихо откликнулся на слова принца, наблюдая, как тот, ничего не замечая, увлечённо оттирает чёрную пыль с пальцев. Всего один подслушанный урок принёс ребёнку столько радости.

Сравнение — коварная вещь. Не видь Сяочунь сегодня других детей императора, ему было бы легче. Но сейчас контраст между ними и Маленьким принцем стоял перед глазами, и от этой несправедливости в груди жгло всё сильнее.

Сяочунь перехватил ребёнка поудобнее и крепко сжал его крохотную ручку.

— Не беспокойтесь, Ваше высочество. Придёт день, и у вас будет всё, что вам причитается по праву.

— А? — Дубянь осекся, уловив в голосе Сяочуня незнакомые нотки. Он внимательно посмотрел на внуха.

Вэнь Сяочунь сосредоточенно вытирал угольную пыль с его пальцев. В этот миг Дубяню показалось, что перед ним один из его помощников из прошлой жизни — преданный фанат, который больше самого кумира пёкся о его карьере.

Тот помощник был тихим и исполнительным, но, как выяснилось позже, именно он возглавлял один из самых радикальных фан-клубов. Навесив на Дубяня ярлык «бедного и несчастного сиротки», он поднял целую волну протестов против компании под лозунгом «У него есть только мы!». У Дубяня до сих пор при воспоминании об этом начинал подергиваться глаз.

Сам он считал себя человеком жизнерадостным и активным, а все его хитрости были лишь защитной реакцией, заставлявшей врагов беситься от бессилия.

В прошлой жизни фанаты видели его сквозь розовые очки из-за сценического образа, но здесь, в этом мире, он только и делал, что строил милые глазки! Если не считать памятного погрома на кухне, он вёл себя тише воды, ниже травы.

Дубянь внезапно обхватил ладонями лицо Вэнь Сяочуня и с самым серьезным видом потянул его за щеки. Тот замер, его юношеское лицо забавно перекопилось, а мрачная решимость

мгновенно испарилась.

— Гха-а... Ваше высочество, не шалите! Упадём же!

Дубянь облегченно вздохнул.

Значит, всё-таки показалось.

Он разжал пальцы и звонко рассмеялся, глядя на чёрные отпечатки, оставшиеся на лице Сяочуня.

— Теперь ты похож на пятнистого кота!

Если Е Сяюань ещё пытался как-то воспитывать Дубяня, заботясь о его здоровье, то отношение Вэнь Сяочуня всё больше напоминало безграничное потакание. Он лишь придержал принца за спину, безнадежно вздохнув.

— Что ж, пусть будет кот. Только осторожнее, Ваше высочество, не то от смеха назад опрокинетесь.

[Персонаж: Вэнь Сяочунь]

[Уровень симпатии: 41]

Дубянь обрадовался ещё сильнее и похлопал Сяочуня по плечу.

— Ладно, пошли скорее домой, обедать!

Когда они вернулись в дворец Цзюйань, Е Сяюань засыпал их вопросами. Дубянь и от него скрыл встречу с наставником, лишь коротко бросив:

— Теперь буду ходить туда через день.

— Так оно и лучше, — рассудил Сяюань. — Меньше на морозе мерзнуть будете.

После обеда принц немного поспал, а проснувшись, принялся за каллиграфию.

Угольные карандаши в Великую династию Чжоу были «голыми» — без деревянной оболочки, и стирались они довольно быстро. Е Сяюань, считая, что уголь портит нежную детскую кожу, обмотал карандаш тонкой тканью. Дубяню поначалу было непривычно, но вскоре он

приноровился.

«Слушай, а если я не знаю иероглиф, правда нельзя заменить его звуковыми знаками? — спросил Дубянь у системы. — Мы же в одной лодке, будь человеком, не вредничай»

[Система принимает к учету только письменность текущей эпохи.]

«Но у тебя-то на экране современные упрощенные иероглифы!» — возмутился мальчик, совершенно не заботясь о том, понял бы он хоть слово, будь там текст династии Чжоу.

Симулятор: [...]

[При использовании сторонних систем письма прогресс обучения не засчитывается.]

«Ну и ладно», — Дубянь досадливо скрипнул зубами и послушно принялся выводить знаки.

Линии на бумаге ложились криво и неуверенно. Он намеренно писал правой рукой — почерк левой у него давно сформировался, обладая узнаваемым стилем, и это могло его выдать. Для себя или для тайных пометок в книгах он использовал левую руку и свои значки, которые никто не мог разобрать, но в остальном был предельно осторожен.

Дубянь решил заново обучить правую руку, будто и впрямь учился грамоте впервые.

Он по памяти переписал сегодняшнюю часть «Троесловия». На середине рука устала, и он ослабил нажим, позволяя углю лишь слегка касаться бумаги. Закончив, он сверился с книгой, дважды повторил про себя пропущенные знаки и окончательно закрепил их в памяти. Затем он выписал самые частотные иероглифы на отдельный лист.

Встряхнув бумагу и взглянув на «кривые каракули», мальчик почувствовал прилив гордости.

Однако последний вопрос старика о светлячках и снеге... Дубянь нахмурился, перечитывая сегодняшний урок. Этой истории там не было.

Постойте-ка...

Глаза Дубяня расширились.

«Это же из самого финала книги! Далекое за пределами того, что они проходили сегодня! Из-за того, что в прошлой жизни я знал этот текст наизусть, я ответил не задумываясь, даже не сообразив, что меня поймали на слове»

«Ах ты вредный старик! — возмутился он про себя. — С виду такой благообразный, а сам ловушку подстроил! Хорошо еще, что это была известная притча, а если бы он спросил что-то посложнее?»

Дело принимало скверный оборот.

Дубянь поджал ноги и уселся на стуле, размышляя. Его легенда об «умном ребенке» и «случайном обучении» трещала по швам. Во дворце нет никого, кто мог бы учить его грамоте, и наставник не должен догадаться, что Дубянь освоил всё это меньше чем за день.

Иначе с его репутацией перерождения греховного плода он быстро превратится из вундеркинда в опасное порождение тьмы. Это была не просто ловушка, а серьезная угроза его спокойной жизни.

Нужно было срочно исправлять ситуацию.

С этой мыслью Дубянь соскочил со стула и, размахивая листком с иероглифами, вылетел из комнаты с криком:

— Спутник Е! Сяочунь! Скорее сюда! Я научу вас буквам, которые узнал сегодня!

Мальчик решил: пусть учатся все. И дыру в легенде залатает, и верным людям польза будет. В этом дворце грамота им точно не помешает.

Учиться будут все, и точка!

<http://bllate.org/book/16117/1583327>